

Форматы религиозного фактора в современном мире

Михаил Юрьевич Смирнов
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия, mirsnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены способы существования религий в современном мире, изложена авторская классификация форматов религиозного фактора, дана характеристика наиболее явных предпочтений в отношении к религии со стороны разных социальных акторов. Автор выделяет проблемные ситуации в государственной политике и массовом сознании по отношению к свободе совести, вероисповедания и убеждений.

Ключевые слова: *религия, религиозная ситуация, религиозный фактор, секуляризация, мировоззренческий плюрализм и государственная политика в отношении к религии*

Для цитирования: Смирнов М. Ю. Форматы религиозного фактора в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 11–18. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/11-18>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/11-18>

Formats of the religious factor in the modern world

Mikhail Yu. Smirnov
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, mirsnov@yandex.ru

Abstract. The article examines the ways of existence of religions in the modern world, outlines the author's classification of the formats of the religious factor, and characterizes the most obvious preferences in relation to religion on the part of various social actors. The author highlights problematic situations in state policy and mass consciousness in relation to freedom of conscience, religion and beliefs.

Key words: *religion, religious situation, religious factor, secularization, pluralism of worldviews, state policy in relation to religion*

For citation: Smirnov M. Yu. Formats of the religious factor in the modern world // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 11–18. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/11-18>

Религиозный фактор – понятие, часто употребляемое. Если обойтись без формулировки строгих дефиниций, детализация которых обычно вызывает полемику, то в обобщающем виде религиозный фактор характеризуется как воздействие вероучительных идей и образов на умоностроения и поведение людей в публичном пространстве [9; 14]. Причем это воздействие, имеющее разные: и позитивные и отрицательные – последствия.

Система отношений к религии в разных обществах и в разные эпохи определяется удельным весом религиозных традиций в повседневном жизненном мире населения, степенью их признания государством и влиянием религиозных институтов на фундаментальные социальные практики. С этой точки зрения, форматы религиозного фактора неизбежно претерпевают изменения не только сообразно состояниям жизни конкретных государств и обществ, но и в зависимости от региональных и глобальных социокультурных процессов.

Трансформации религиозного фактора

В современном мире проявления религиозного фактора во многом существенно отличаются от того, что обуславливало его действие ещё в относительно недавние исторические времена, когда религии выступали как мировоззренческие доминанты. Можно выделить три обстоятельства, ныне "форматирующих" религиозный фактор.

Первым обстоятельством стал вроде бы внешний для религии процесс *секуляризации*. Обычно секуляризацию в широком смысле рассматривают как резкое снижение влияния религиозных организаций на политическую, социальную и личную жизнь, подразумевая, что причины всего этого лежат за пределами религии [13]. Однако практически все признаки секуляризации сопряжены также и с каким-либо из внутренних состояний самих религиозных сообществ, с их возможностью или невозможностью решать важные проблемы последователей религий, с утратой убедительности религиозных смыслов в обыденной жизни верующих [30].

Эмпирически фиксируемые явления десекуляризации и ревитализации религии [12; 16], а также теоретизирование на тему постсекулярности [2] подтверждают лишь нелинейный характер секуляризации, которая предстает вовсе не как процесс "отмирания" религии, но как реструктуризация религиозной жизни и интеграция конфессиональных институтов в сложившийся строй светских государств и обществ.

Секулярность принесла обществу мировоззренческий и идейный плюрализм, создала возможности для индивидов и групп уйти от религиозного единообразия (чаще всего, принудительного) и идентифицировать себя сообразно множественности религиозных и иных убеждений.

Широкое распространение получила культура секулярного общества. Конфессиональные ценности вытесняются светскими ценностями, среди которых не только так называемый светский гуманизм, но и многократно обруганный, однако не исчезающий мультикультурализм с его установками на толерантность и политкорректность, а права человека стали новой сакральностью [24].

Возник риск растворения прежних нравственных стереотипов религии в так называемой "новой этике". Альтернативой этому становятся попытки реанимировать традиционные устои религиозных сообществ, что можно обозначить как "новый фундаментализм" [3] (особенно проявившийся в условиях пандемии [28]).

Реакция в обществе на секулярность постоянно создаёт проблемные ситуации. Потребовалась корректировка устоявшихся за века и поколения образов конфессионального присутствия в публичном пространстве. Государства оказались перед необходимостью устанавливая новые правовые параметры для религиозных сообществ, учитывая при этом актуальность соблюдения свободы совести и убеждений в мировоззренчески неоднородном социуме [25].

Вторым обстоятельством стал кризис исторически сложившихся моделей *идентичности* населения многих стран с ведущими экономиками. В результате широкомасштабных миграционных потоков изменяется этнический, а значит и религиозный состав населения, растет удельный вес религиозных сообществ, к которым принадлежат мигранты [4]. Известно, что значительное влияние в ряде государств Европы приобретают объединения последователей ислама. Это порождает своего рода параллелизм – новые европейцы-мусульмане формируют свои модели нормативности социальных, семейных и бытовых отношений, дистанцируясь от устоявшегося правового и культурного уклада жизни основного населения европейских стран [15, с. 209, 264, 324].

Очевидной является конфликтность социокультурных паттернов автохтонных жителей государств Европы и миграционной части населения этих государств [5; 27]. В повестку практической политики встала проблема адаптации мигрантов к цивилизационному укладу стран пребывания. Идёт очень трудная переориентация государственных и общественных институтов, исторически сформированных под местную реальность, и не готовых оперативно и адекватно реагировать на новую ситуацию [29].

Характерным примером становятся попытки "древних" европейских государств, с разной степенью успешности, реализовать вариативные образовательные стратегии, позволяющие давать людям из иной этнорелигиозной среды представления о местной культуре таким образом, чтобы это было взаимно приемлемым государству, религиозным объединениям, светскому обществу и самим мигрантам.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно вероучительный контент, то есть ядро любой религиозной системы, является наиболее удалённым от повседневных потребностей приверженцев религии и наименее востребованным. Для тех современных людей, которые маркируются понятием "верующий", как правило, не свойственно адекватное освоение доктрин, которыми конституируются исповедуемые ими религии. Конечно, всегда так называемый массовый верующий плохо или приблизительно был знаком с конфессиональными доктринами. Но это компенсировалось пронизанностью повседневности религиозными институтами. Ныне же, в условиях мировоззренческого плюрализма и секулярного общества, религиозная принадлежность всё больше становится "маркером", но не смыслом самоидентификации.

То, что можно сейчас назвать религиозной идентичностью, является, скорее всего, эвфемизмом, в действительности передающим в традиционной (то есть как бы в религиозной) экипировке, идентичность социальную, гражданскую, этническую [10]. Религиозная самоидентификация воспринимается людьми как более надёжная [8] преимущественно потому, что социальность сплошь и рядом неустойчива, гражданственность конфликтна, этничность же в исторической памяти сливается с религиозной принадлежностью.

Третьим важным обстоятельством можно считать *мировоззренческий плюрализм* современной глобальной цивилизации, обусловленный утратой монопольного положения исторически сложившихся религий и светских тотальных идеологий. Возникает множество новых религиозных и иных мировоззренческих сообществ, обычно в статусе меньшинств, которые воплощают право духовного выбора граждан демократических государств [21].

Как и секуляризация, это – вовсе не линейно прогрессирующий процесс. Сталкиваясь с консерватизмом стереотипов массового сознания, мировоззренческий плюрализм постоянно получает жёсткого оппонента в виде традиционализма большей части населения, охранительной государственной политики и фундаменталистских настроений в религиозной среде. Однако надо заметить, что это уже, так сказать, "новый традиционализм", не отвергающий, но эффективно использующий современные информационные технологии и вообще достижения техносферы.

Истоки религиозных потребностей намного глубже, чем политические, экономические и прочие "земные" обстоятельства существования конкретных религиозных сообществ. Религиозность генерируется мистико-сотериологическими состояниями психики и ментальности. Поэтому "смена формата" присутствия религиозного фактора в публичном пространстве означает, скорее, поиск более эффективных модусов реализации религиозных потребностей. С этой точки зрения, наблюдаемый ныне религиозный плюрализм [20] следует рассматривать не как упадок, но как реструктуризацию мировоззренческого состояния общества.

На уровне повседневности религиозные настроения проявляются не столько в массовом формализованном ритуально-культовом поведении, сколько в индивидуализации духовных практик, активизирующихся в значимых обстоятельствах жизненного цикла, а зачастую конструируемых для конкретных потребностей. Это даёт основание утверждать о "скрытом", "диффузном", "невидимом", "вернакулярном" и тому подобных модусах религии, о "вере без принадлежности" и "замещающей религии" [22]. Нефункциональные институты и практики исторических конфессий "обнуляются", уступая место тем, что более адекватны современным религиозным запросам [11].

Вместе с тем реакции на глобальные проблемы современности по нарастающей стали вызывать к жизни множество гибридных квазирелигиозных образований, сочетающих в себе разные способы самоутверждения и компенсирующих для разных контингентов населения реальные или мнимые утраты и нехватки. Из наиболее заметных – экологические движения, феминистические сообщества, вариации массового консюмеризма, а также погружение в виртуальные миры. Всё это очень разные по мотивации и масштабам явления. Но они явно расширили диапазон жизненных стратегий, доступных современному человеку. Религия в этом диапазоне остаётся заметным предметом выбора. Однако уже не единственным.

Возможные перспективы религиозного фактора

Конечно, нельзя категорично утверждать, что современное общество неуклонно избавляется от влияния религии. Скажем, христианство по-прежнему воспринимается как один из базовых устоев европейской цивилизации. Аналогичное значение базового устоя, но уже в глобальном смысле, придаётся исламу его приверженцами.

Большинством населения стран мира по-прежнему декларируется религиозная принадлежность. Например, по данным Pew Research Center за 2019 год [26], во всех 15 странах Западной Европы были крещены и называют себя христианами более 90% опрошенных. В то же время из общего числа назвавших себя христианами, лишь 58% говорят, что верят в Бога. То есть востребованность часто получает конфессиональная маркировка идентично-

сти, с приблизительным воспроизведением внешних признаков, тогда как конституирующие вероисповедание доктринальные смыслы, выраженные в священных текстах и религиозных документах, остаются далёкими от непосредственных интересов или вообще неизвестными приверженцам религий [1, с. 128–129].

Привлекательность религий для государственных институтов сейчас определяется не вероучительным содержанием, а их организационно-мобилизующим потенциалом. Очевидны и намерения конвертации религиозного фактора в идеологические установки светского государства, что может оказаться ресурсом для достижения нерелигиозных целей. Целенаправленная интеграция религиозного фактора в публичное пространство секулярных обществ, стремление использовать его для каких угодно благих намерений влечёт маргинализацию вероисповедного содержания религий и риск их превращения в политический инструмент [7].

Недавно Р. Н. Лункин предложил идею так называемой "параболы политизации" религиозной среды [6, с. 77–79]. Суть идеи – возможность эволюции религиозных сообществ от состояния структуры, исторически вытекающей из политики, к структуре, которая становится частью политической системы. Базовый отправной пункт этой эволюции – приход. От этого пункта ("приход-А") идёт импульс общинной солидарности, благодаря которому возникает религиозно мотивированная околоцерковная деятельность, включающая социальные и культурные инициативы, волонтерство (церковное и внецерковное). В результате такого процесса формируется новое качество религиозной жизни, именуемое "социальной религиозностью", совокупным субъектом которой могут быть "религиозные квазипартии", а итоговым состоянием – "гражданская религиозность". Завершает "параболу" приход "нового типа" ("приход-В"), вокруг которого, наряду с богослужебной практикой, "существует масса социальных и культурных инициатив".

Можно признать, что религиозный фактор потенциально применим для позитивных преобразований в обществе. Но в современной политике ведущими акторами являются перетекающие друг в друга светская государственная бюрократия и лидеры капиталоемких корпораций, которые определяют рамки возможностей для общества в целом, значит и для религиозных организаций и сообществ. И никому эту прерогативу "властвующая элита" не отдаст, а если чему-то и будет попустительствовать, то лишь в видах инструментально-го использования ради собственных целей.

Конечно, секулярные институты власти могут регламентировать только внешние, организационно-правовые параметры жизни последователей религий. Коренящиеся в структурах психики и ментальности фундаментальные потребности, которые опознаются как религиозные – потребность в предельных смыслах, в сакральном, в преодолении чувства разрыва между конечностью индивида и бесконечностью мироздания/бытия, равно как и потребность в следовании религиозным побуждениям в своей социальной жизни, – никуда не исчезают. Но вот способы экспликации этих потребностей и их удовлетворения трансформируются в зависимости от актуальности религиозных смыслов для людей в их конкретных жизненных ситуациях, обусловленных меняющимися социальными, экономическими, техногенными и прочими вполне земными обстоятельствами [19].

В синхронном измерении никакая религия не существует исключительно так, как она сложилась диахронно, за века и поколения своей истории. Любая религия для ныне живущих является именно такой, какой именно они эту религию сумели воспринять, мыслить, чувствовать, адаптировать к своему настоящему. Поэтому в любом обществе можно встретить спектр вариаций отношения к религии.

Общество может длительно пребывать в каком-то достигнутом состоянии, пока свойства сложившегося уклада обеспечивают его относительную устойчивость. Когда внутренние процессы приводят к исчерпанию прежних ресурсов стабильности – реальных и символических, и к этому добавляются также внешние факторы, влияющие на данное общество, тогда с неизбежностью начинается эволюционная или революционная реструктуризация базовых устоев – экономических, политических, идеологических. Для религий

наступает "момент истины", их потенциал проходит строгую проверку на соответствие или препятствование прогрессу [8].

Социальная динамика невозможна без акторов – коллективных и индивидуальных субъектов производимых перемен. Поэтому существенную роль в происходящих процессах играет мировоззренческая составляющая, ключевые смыслы которой задаются умонастроениями, убеждениями и верованиями участников. Скажем, подлинный исток политизации религиозных сообществ коренится не столько в амбициях религиозных организаций (их руководства), сколько в гражданском поведении верующих, мотивированном их религиозными убеждениями.

Общественное устройство, трансформируясь под влиянием меняющихся потребностей и интересов, в свою очередь, само зримо или неявно устанавливает для них своего рода рамочные условия. Оптимальным для социальной стабильности выступает мировосприятие, консолидирующее большинство субъектов общественных отношений. В этом плане *религии, как средоточия общеразделяемых смыслов, оказываются высокофункциональными средствами консолидации.*

В то же время качественные и количественные параметры религиозного фактора определяются тем, насколько необходимыми оказываются какие-либо религии для конкретных индивидов, социальных групп и этнических общностей. Константность религиозных потребностей всегда сочетается с переменчивостью формата их проявлений и реализации в социальном пространстве.

В периоды общественного переустройства неизбежными становятся *ревизия традиций и возникновение новаций*, идёт поиск путей, позволяющих преодолеть (или обойти) трудности и обрести убедительную привлекательную перспективу [18]. Многоосставность современных обществ с необходимостью порождает плюралистичность этого поиска, разнообразие форм удовлетворения мировоззренческих и социальных потребностей, появление разного рода новаций [17]. Возникает вопрос о сосуществовании религиозной и нерелигиозной частей населения не как об их паритете, но как амальгаме.

Выводы

Очевидно, что в современном мире приходится иметь дело с новыми форматами религиозного фактора в публичном пространстве. Происходит нарастающая дифференциация и, одновременно, диффузия того объекта, который конвенционально именуется религией. Секуляризация определяется не уменьшением числа верующих, а степенью свободы в отношении к религии.

Религии перестают привлекать собственно вероучительным содержанием, адекватное освоение которого не является приоритетным для повседневного жизненного мира последователей религиозных традиций – на первое место выходит идентификационное, маркировочное свойство религиозной принадлежности.

Возникла множественность мировоззренческих явлений, которые инерционно идентифицируются как религиозные (или религиоподобные), но уже с трудом или принудительно поддаются описанию с помощью прежних стереотипизированных клише. Всё непонятнее становится, по каким признакам какие-либо явления опознавать именно как религиозные.

Можно сказать, что религия уже перестала быть такой, какой она моделируется на страницах учебников, словарей и энциклопедий, которые воспроизводят преимущественно исторические или уходящие в историю представления о религиозном факторе. Да и правовые акты также далеко не всегда адекватны изменениям, происходящим в сфере общественных отношений по поводу религии, просто не отражают эти изменения.

Ныне сформировался широчайший диапазон вариаций мировоззренческих исканий. Возникает новая реальность – быть может, то, с чем приходится иметь дело, это уже и не религия, как её привыкли понимать, и нужны новые, более точные объяснения.

Литература

1. Андреева Л. А., Смирнов М. Ю., Щербakov В. П. Процесс дехристианизации в Европейском Союзе // Современная Европа. 2018. № 5. С. 120–130.
2. Богатырёв Д. К., Шишова М. И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 3. С. 95–109.
3. Головушкин Д. А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 1. С. 87–97.
4. Дятлов А. В., Попов А. В. Сажин П. В. Идентичность в пространстве Европейского Союза // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 170–177.
5. Казанова Х. Страх Европы перед религией. Берлинские речи о религиозной политике / пер. с нем. Е. М. Мирошниковой // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. статей. Вып. 11. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2015. С. 88–105.
6. Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество: монография / Центр по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН. Москва: ИЕ РАН: Нестор-История, 2020. 504 с.
7. Мирошникова Е. М., Смирнов М. Ю. Основные тренды отношения государств Европейского Союза к религии // Современная Европа. 2020. № 3. С. 196–206.
8. Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во "Весь мир", 2017. С. 334–339.
9. Мчедлова М. М. Религиозный фактор // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 279–280.
10. Пронина Т. С. Религиозная идентичность: теоретические модели и подходы к изучению // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 48–63.
11. Смирнов М. Ю. Цифровизация как "обнуление" религий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137–145.
12. Смирнов М. Ю. Новые формы религиозной жизни общества // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 177–184.
13. Степанова Е. А. Теории секуляризации в "проекте модерна": возможности и границы // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. № 9. С. 54–73.
14. Телегин В. Н., Телегина С. В., Шмидт В. В. Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского Союза // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 2. С. 92–107.
15. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен "параллельных" обществ в системе международно-политических отношений: монография / науч. ред. Л. А. Андреева, И. В. Следзевский, М. Ю. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 551 с.
16. Трансформации религий в современном обществе и культуре: моногр. / [Л. А. Андреева, О. А. Бокова, А. В. Конева и др.] науч. ред. М. Ю. Смирнов. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2019. 140 с.
17. Феномен новых религий в ситуации религиозного плюрализма и религиозной конкуренции / сост. и науч. ред. М. Ю. Смирнов. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2019. 124 с.
18. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация / пер. с англ. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 33–56.
19. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна / пер. с фр. А. С. Агаджаняна // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268.
20. Casanova J. Immigration and the New Religious Pluralism: EU/US Comparison // Democracy and the New Religious Pluralism / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 59–84.
21. Davie G. Pluralism, Tolerance, and Democracy: Theory and Practice in Europe // Democracy and the New Religious Pluralism / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 223–242.
22. Davie G. Vicarious religion: A Methodological challenge // Everyday religion: Observing Modern Religious Lives by N. Ammerman. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. P. 21–35.
23. Davie G., Ammerman, N. T. Does religion contribute to or inhibit social progress? // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal. 2020. No. 3. P. 185–192. (In English)
24. Freedom of religion or belief and security: Policy guidance. Warsaw: Published by the OSCE [Organization for Security and Co-operation in Europe] Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/odihr/429389?download=true> (дата обращения: 21.01.2022).

25. Pace E. The changing Soul of Europe: The challenge to the secular State // *EuAre Lectures: Ex Nihilo and First Annual Conference 2017–2018* / ed. by Francesca Cadeddu. Bologna: European Academy of Religion (EuARE); Fondazione per le scienze religiose Giovanni XXIII (FSCIRE), 2019. P. 71–86.
26. Religion – Research and data from the Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/topic/religion/> (дата обращения: 21.01.2022)
27. Religious complexity in the public sphere: Comparing Nordic countries / ed. by I. Furseth. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 341 p.
28. Religious fundamentalism in the Age of Pandemic / ed. by Nina Käsebage [Vol. 21 in the series Religionswissenschaft]. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1515/9783839454855> (дата обращения: 21.01.2022 г.).
29. State and Church in the European Union. In conjunction with the European Consortium for State and Church Research. 3-rd ed. / Robbers G. (ed.). Baden-Baden (Germany): Nomos Verlagsgesellschaft, 2019. 688 p.
30. Taylor Ch. A Secular Age. Cambridge (MA); London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. xii + 878 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andreeva L. A., Smirnov M. YU., SHHerbakov V. P. Protsess dekhristianizatsii v Evropejskom Soyuze // *Sovremennaya Evropa*. 2018. № 5. S. 120–130.
2. Bogatyryov D. K., SHishova M. I. Postsekulyarnaya gipoteza i osobennosti rossijskoj postsekulyarnosti // *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2015. T. 16. № 3. S. 95–109.
3. Golovushkin D. A. Religioznyj fundamentalizm / religioznyj modernizm: kontseptual'nye protivniki ili ambivalentnye fenomeny? // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2015. № 1. S. 87–97.
4. Dyatlov A. V., Popov A. V., Sazhin P. V. Identichnost' v prostranstve Evropejskogo Soyuzha // *Gumanitarij YUga Rossii*. 2016. T. 22. № 6. S. 170–177.
5. Kazanova KH. Strakh Evropy pered religiej. Berlinskije rechi o religioznoj politike / per. s nem. E. M. Miroshnikovo // *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspekt*. Sb. statej. Vyp. 11. Vladivostok: Dal'nevost. fed. un-t, 2015. S. 88–105.
6. Lunkin R. N. TSerkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoe khristianstvo menyaet evropejskoe obshhestvo: monografiya / TSentr po izucheniyu problem religii i obshhestva IE RAN. Moskva: IE RAN: Nestor-Istoriya, 2020. 504 s.
7. Miroshnikova E. M., Smirnov M. YU. Osnovnye trendy otnosheniya gosudarstv Evropejskogo Soyuzha k religii // *Sovremennaya Evropa*. 2020. № 3. S. 196–206.
8. Mchedlova M. M. Religioznaya i konfessional'naya identichnost' // *Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. E'ntsiklopedicheskoe izdanie / otv. red. I.S. Semenenko*. M.: Izd-vo "Ves' mir", 2017. S. 334–339.
9. Mchedlova M. M. Religioznyj faktor // *E'ntsiklopedicheskij slovar' sotsiologii religii / pod red. M. YU. Smirnova*. SPb.: Platonovskoe filosofskoe obshhestvo, 2017. S. 279–280.
10. Pronina T. S. Religioznaya identichnost': teoreticheskie modeli i podkhody k izucheniyu // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2017. № 9. S. 48–63.
11. Smirnov M. YU. TSifrovizatsiya kak "obnulenie" religij // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2019. № 3. S. 137–145.
12. Smirnov M. YU. Novye formy religioznoj zhizni obshhestva // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2020. № 1. S. 177–184.
13. Stepanova E. A. Teorii sekulyarizatsii v "proekte moderna": vozmozhnosti i granitsy // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 2009. № 9. S. 54–73.
14. Telegin V. N., Telegina S. V., SHmidt V. V. Religioznyj faktor kak instrument politiki stran Evropejskogo Soyuzha // *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov*. 2012. № 2. S. 92–107.
15. Transformatsii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen "parallel'nykh" obshhestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenij: monografiya / nauch. red. L. A. Andreeva, I. V. Sledzevskij, M. YU. Smirnov. SPb.: Vladimir Dal', 2021. 551 s.
16. Transformatsii religij v sovremenno obshhestve i kul'ture: monogr. / [L. A. Andreeva, O. A. Bokova, A. V. Koneva i dr.] nauch. red. M. YU. Smirnov. SPb.: LGU imeni A. S. Pushkina, 2019. 140 s.
17. Fenomen novykh religij v situatsii religioznogo plyuralizma i religioznoj konkurentsii / sost. i nauch. red. M. YU. Smirnov. SPb.: LGU imeni A. S. Pushkina, 2019. 124 s.
18. E'jzenshtadt SH. Novye religioznye konstellyatsii v strukturakh sovremennoj globalizatsii i tsivilizatsionnaya transformatsiya / per. s angl. // *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2012. № 1 (30). C. 33–56.
19. E'rv'e-Lezhe D. V poiskakh opredelennosti: paradoksy religioznosti v obshhestvakh razvitoj moderna / per. s fr. A. S. Agadzhanjana // *Gosudarstvo, religiya, TSerkov' v Rossii i za rubezhom*. 2015. № 1 (33). S. 254–268.

20. Casanova J. Immigration and the New Religious Pluralism: EU/US Comparison // *Democracy and the New Religious Pluralism* / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 59–84.
21. Davie G. Pluralism, Tolerance, and Democracy: Theory and Practice in Europe // *Democracy and the New Religious Pluralism* / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 223–242.
22. Davie G. Vicarious religion: A Methodological challenge // *Everyday religion: Observing Modern Religious Lives* by N. Ammerman. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. P. 21–35.
23. Davie G., Ammerman, N. T. Does religion contribute to or inhibit social progress? // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 2020. No. 3. P. 185–192. (In English)
24. Freedom of religion or belief and security: Policy guidance. Warsaw: Published by the OSCE [Organization for Security and Co-operation in Europe] Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), 2019. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.osce.org/odihr/429389?download=true> (data obrashheniya: 21.01.2022).
25. Pace E. The changing Soul of Europe: The challenge to the secular State // *EuAre Lectures: Ex Nihilo and First Annual Conference 2017–2018* / ed. by Francesca Cadeddu. Bologna: European Academy of Religion (EuARE); Fondazione per le scienze religiose Giovanni XXIII (FSCIRE), 2019. P. 71–86.
26. Religion – Research and data from the Pew Research Center [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.pewresearch.org/topic/religion/> (data obrashheniya: 21.01.2022)
27. Religious complexity in the public sphere: Comparing Nordic countries / ed. by I. Furseth. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 341 p.
28. Religious fundamentalism in the Age of Pandemic / ed. by Nina Käsehage [Vol. 21 in the series Religionswissenschaft]. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1515/9783839454855> (data obrashheniya: 21.01.2022).
29. State and Church in the European Union. In conjunction with the European Consortium for State and Church Research. 3-rd ed. / Robbers G. (ed.). Baden-Baden (Germany): Nomos Verlagsgesellschaft, 2019. 688 p.
30. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge (MA); London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. xii + 878 p.

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Смирнов, д-р социол. наук, профессор кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Information about the author

Mikhail Yu. Smirnov, Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 25.03.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022